Смущенным тоном, скрестив руки и устремив взгляд на ныне невидимого Силва, Джулия спросила: "Итак, не желаешь объясниться?" Ее аура вернулась в свое обычное состояние после того, как она попросила Эла удалиться на покой. Силва испытала неподдельный ужас, и будь она человеком, то истекала бы потом. Она онемела, ее голос, казалось, парализовал страх. Ее намерения не были злыми; она не планировала причинять вред Элу. Так почему же ее реакция была столь бурной? Тем не менее, она понимала, что должна ответить.

"Я-я просто х-хотела изучить его глаза", - пробормотала Силва.

"Это уже ясно; в этом не дело", - парировала Джулия, повысив голос.

Джулия понимала своего друга достаточно хорошо, чтобы осознать, что она не может просто отмахнуться от перемен в глазах Эла. На самом деле, Силва, вероятно, была готова пойти на многое, даже отложить свои прежние обязательства, чтобы углубиться в этот загадочный феномен. Важно подчеркнуть, что изменение ее графика было нетривиальным делом. Силва была преданной целительницей, посвящая большую часть своего времени этой практике и совершенствованию своих навыков целительства. Учитывая ее высокий уровень мастерства, ее расписание постоянно было заполнено вплоть до будущего времени - более чем на столетие вперед. Более того, все ее пациенты были личностями с большим влиянием и властью, превосходящими типичные земные стандарты. Таким образом, изменение ее планов по сути означало отказ от обязательств перед этими влиятельными фигурами, что имело значительный вес и последствия. Это было не пустяк!

Однако Джулия могла понять, почему Силва была готова зайти так далеко. В конце концов, Силва была древней, она существовала в сотни раз дольше, чем Джулия. Прошло уже тысячелетие с тех пор, как в ней разгорелся пытливый дух. Но, учитывая уникальную ситуацию Лайса, открытие глаз Эла было не чем иным, как экстраординарным. За все свое долгое существование Силва никогда не встречала ничего подобного, и это бросало вызов естественному порядку вещей. Если проводить сравнение, то это было похоже на то, чтобы наткнуться на объект со способностью противостоять гравитационному притяжению. Хотя многие могли летать с помощью различных средств, все они действовали в пределах гравитационных сил, подобно ракете, покидающей орбиту планеты. Однако глаза Эла, казалось, бросали вызов присущей духам невидимости, что считалось невозможным по меркам духов. И все же он достиг этого. Таким образом, Силва не могла устоять перед искушением углубиться в эту тему дальше, даже рискуя отменить свои давние договоренности.

Неутолимое любопытство Силвы не оставляло ей выбора, кроме как искать дальнейшего понимания ситуации. Она прекрасно понимала, что Эл остается осторожным и настороженным с ней. Она предполагала, что прямые вопросы о его глазах встретят сопротивление, возможно, даже враждебность. Поэтому Силва приняла стратегическое решение использовать его эмоции как способ разгадать загадку. Однако,

"Ты даже думаешь о последствиях своих действий?" - спросила Джулия Силву, повышая голос.

Силва нахмурилась в замешательстве, не понимая, что не так в ее подходе. С ее точки зрения, было логично использовать задолженность Эла перед ней и запросить изучение его необычных глаз в качестве формы обмена.

Джулия не могла не покачать головой, понимая, что упустила из виду критический аспект ситуации. Легко было забыть, что Силва - не просто какое-то обычное существо - она была духом, причем очень древним. Мышление Силвы и ее этические нормы сильно отличались от человеческих. Хотя Силва вообще проявляла доброту как дух, ее приверженность научным

исследованиям была непоколебимой, и она была готова пойти на многое во имя исследований. Силва не считала свои действия морально неправильными; вместо этого она рассматривала их сквозь призму своих духовных стандартов, которые явно отличались от человеческих.

Сильв не мыслила категориями добра и зла в том же ключе, что и люди. Многие действия, которые казались жестокими с точки зрения человеческой морали, представлялись ей оправданными, учитывая ее необычное мировоззрение. Нередко она считала, что те, на ком она ставила эксперименты или чьем участием она пользовалась в своих изысканиях, в некотором смысле были изначально обречены на погибель. С ее точки зрения, она просто по-другому использовала их существование. Она легко оправдывала свои поступки, говоря что-то вроде: «Они бы все равно умерли» или «Не беспокойся, я всего лишь взяла его пенис, он выживет».

В глазах Сильв доброта не была синонимом сохранения жизни; она означала максимально возможное использование всех доступных ресурсов, особенно когда дело касалось науки. Она придерживалась мнения, что, если смерть служила какой-то цели, будь то пропитание, самооборона, месть или исследования, ее можно считать оправданной. Смерть в представлении Сильв являлась неотъемлемой частью жизни, особенно для долгоживущих призраков, и нравственные ограничения, присущие людям, к ней не относились.

В данном случае ее действия отражали ее типичный подход. По мнению Сильв, не было ничего предосудительного в том, чтобы заставить Эля почувствовать себя виноватым, особенно учитывая, что он и так был ей кое-чем обязан, и она могла взыскать с него этот долг, когда пожелает. Она не вылечила его с этой конкретной целью, но теперь она осознала полезность этого действия и решила им воспользоваться. Ее решение не говорить ему напрямую: «Пойдем со мной», прежде чем увести его — таков был ее способ проявить доброту или, как она считала, великодушие. Поэтому она была озадачена гневом Джулии, не понимая до конца, почему он вызвал у той такую реакцию.

Джулия же, напротив, осознала свою ошибку. Будучи старухой, она понимала, что нельзя навязывать свои стандарты кому-то другому. Так что она не может винить Сильв за это, потому что с ее точки зрения она была абсолютно права. Однако потом она поняла, как изменилась ее роль матери. В прошлом Джулия была отъявленной одиночкой, она ни о ком не заботилась, и то, что только что сделала Сильв, ее бы совершенно не заинтересовало.

Но теперь она не могла не беспокоиться об Эле. Мальчик казался зрелым и полностью контролировал себя, но Маркус и она знали, как сильно он заблуждался. Эль был юным и безумно талантливым, что заставляло его думать, будто он способен справиться с чем угодно. Но Джулия знала, что он просто еще не прожил достаточно долго. Да, его врожденное недоверие ко всем было оправданным, но сможет ли он прожить свою жизнь в таком духе? Ни за что! Даже ей, отъявленной одиночке, пришлось создать связи и установить дружеские отношения, чтобы выжить. Он все еще мыслит так, потому что не достаточно повидал. Это только что доказала Сильв. Ей хватило нескольких слов, чтобы лишить его равновесия. Но Джулия должна была это прекратить, потому что не могла спокойно смотреть, как манипулируют ее сыном у нее на глазах.

«Я понимаю твои намерения, но ты сделала это неправильно. Ты могла бы спросить меня, и я бы поговорила с ним», — сказала Джулия, успокоившись.

«У тебя были какие-то сведения об этом заранее?» — спросила Сильв, создав у Джулии впечатление, что как мать Эля та могла знать об этом.

Ответ Джулии был беспечным: она покачала головой и сказала: «Нет, не было».

Джулия ответила небрежно, просто пожав плечами, не продемонстрировав ни разочарования, ни удивления. Ее знание об уникальной способности к зоркости ее сына помогло ей понять, почему он скрывал это, в результате чего она осталась равнодушна к данному откровению. Затем, чувствуя ответственность, она заявила: «Теперь, когда я знаю об этом, мне нужно обсудить это с ним».

Нетерпение звучало в голосе Сильв, когда она спросила: «Так когда же мы сможем с ним поговорить?»

Понимая, что вовлечение Элиана — наилучший метод, Джулия ответила: «Нам нужно дождаться, пока Элиан проснется. Он более доступный и играет ведущую роль в их отношениях».

Сильв кивнула в знак согласия, демонстрируя свою готовность проявить терпение, несмотря на свой многовековой взгляд на вещи. Ее голос приобрел торжественный тон, когда она перевела разговор на другую тему: "Теперь, давайте сосредоточимся на случае с молодой девушкой".

http://tl.rulate.ru/book/106552/3832486